

Экономические и политико-правовые аспекты церковного и монастырского землевладения в истории России

В.В. Чернуха, ассистент, Г.А. Тимошенко, ассистент, ФГБОУ ВО Оренбургский ГМУ

Современное развитие российского общества характеризуется коренными изменениями во всех сферах его жизни. Демократические преобразования оказали существенное влияние и на сферу государственно-церковных отношений, способствуя пересмотру принципов церковной политики государства, роли и места религиозных организаций в структуре современного общества.

Нормализация отношений государства и религиозных организаций, начавшаяся на волне политических событий конца 80-х гг. XX в., нашла своё отражение в формировании законодательной базы, определяющей основные принципы этих отношений, послужила импульсом для активизации деятельности религиозных организаций и в первую очередь — крупнейшей в стране конфессии — Русской православной церкви, в социально-политической, экономической и духовно-нравственной жизни общества. Однако по разным причинам в сфере государственно-церковных отношений сохраняются нестабильность и противоречия, что отражается на состоянии религиозной обстановки в стране.

Опыт российской истории свидетельствует о том, что как только государство по той или иной причине не уделяло должного внимания данной сфере, всегда возрастала политическая значимость религиозного фактора. В этой связи актуальность приобретают исследования, связанные с поиском оптимальной модели государственно-церковных отношений, осмыслением роли и места религиозных организаций в русском обществе. Особую значимость эти вопросы приобретают с активизацией Русской православной церкви и других религиозных организаций в сфере экономических отношений. Экономическая деятельность не случайно выбрана одним из приоритетных направлений социальной доктрины РПЦ (Архиерейский собор, 1997 г.) [1]. Русская православная церковь практически во все века своего существования на разных этапах развития Российского государства являлась крупнейшим землевладельцем. Представляя собой мощную общественную и политическую организацию, используя громадные земельные и другие богатства, она обеспечивала свою экономическую независимость от правительства и играла весьма заметную роль в политической жизни страны. На разных исторических этапах формы землевладения РПЦ и её хозяйственная деятельность были различны.

Начиная с конца X—XII вв. формирование церковной структуры на Руси явилось отражением

процесса внутреннего развития государственного строя. Активную роль играли и государственные власти в построении церковной организации, и это сказалось не только на создании её разветвлённой структуры, но и в обеспечении материальными благами её деятельности. В ранний период формирования государства церковная организация существовала за счёт князя или государственной казны. Так, особой формой первоначального обеспечения церкви была десятина.

Есть все основания рассматривать десятину в XI—XII вв. как долю раннефеодальной земельной ренты в отличие от дани, поскольку она собиралась с подчинённых государственной власти земель, где существовала особая территориальная структура волостей и погостов. Князь передавал церковной организации долю не от временных и случайных доходов, не от контрибуции с захваченных территорий, а от постоянных поступлений из земель, принадлежащих государству, главой которого он был [2].

В развитии церковного землевладения можно выделить четыре основных периода:

1. От появления христианства на Руси до середины XIV в.
2. Середина XIV — середина XVI в.
3. Середина XVI в. — 1764 г.
4. 1764—1918 гг.

На принадлежавших церкви землях хозяйство вели монахи, зависимые люди, а впоследствии — крепостные крестьяне. Отсюда следует, что главным хозяйственным звеном в системе церковных учреждений были монастыри и архиерейские дома (которые по методу ведения хозяйства могут быть приравнены к монастырям). Другими хозяйственными единицами можно считать церкви и крупнейшие из них — соборы.

Рассмотрим более подробно первый период (период формирования). Здесь необходимо остановиться на некоторых характерных для него особенностях. Во-первых, христианство распространялось на Руси постепенно и охватило большую часть территории не ранее XII в. Во-вторых, большинство монастырей того периода находилось на келлиотском уставе вплоть до середины XIV в. Согласно этому уставу общее хозяйство не предусматривалось, поступавшие туда землевладельцы сохраняли право распоряжаться своей землей, отданной в виде вклада.

Монастыри как опыт устройства общественной жизни получили широкое распространение на Руси в XII—XIII вв., хотя сведения о существовании монастырей относятся уже к первой половине XI в. Так, например, упоминание о появлении

монастырских образований есть и у Иллариона, в «памяти и похвале» монаха Иакова, в «Повести временных лет» Нестора. В этой связи интересен опыт Печерского монастыря, который не был княжеским. По мнению некоторых исследователей, Печерский монастырь первоначально находился на земле, принадлежавшей основателю монастыря Антонию. Так, конфликт с князем Изяславом был ликвидирован после того, как монастырь получил от князя часть земель княжеского села — «гору». Другой конфликт монастыря был улажен в 1070-х гг. с очередной передачей монастырю княжеских земель на строительство Успенской церкви.

Летописное свидетельство говорит о том, что уже около 1080—1087 гг. была осуществлена передача Печерскому монастырю князем Ярополком трёх волостей в Волынской земле и под Киевом. Таким образом, Печерский монастырь становится собственником сёл в окрестностях Киева уже в XI в.

Первые сведения о строительстве княжеских монастырей можно отнести к началу 1050-х гг., в сообщениях «Повести временных лет», когда Ярослав заложил в Киеве стены Софийского собора. Традиция основания князьями или боярской аристократией монастырей была достаточно распространена в русских городах XI—XIII вв. [3].

Рассматривая этот вопрос, нельзя не коснуться той роли, которую играли монастыри в жизни общественности. Во-первых, это была форма социальной организации людей, которые, следуя христианским идеалам, отказались от принятых в светском обществе норм жизни. Во-вторых, тесно связанные с княжеской властью, именно монастыри стали центрами идеологической жизни Руси XI—XIII вв. Интенсивный рост монастырского землевладения наблюдался во второй половине XIV в. Во многом это было обусловлено относительно привилегированным положением Русской православной церкви и её монастырей в период ордынского ига. Под защиту монастырей переходили некоторые «чёрные» волости. Формально они оставались в государственной собственности, но со временем экономически закреплялись за монастырями и фактически присоединялись к их землевладениям. Также расширение монастырских вотчин происходило за счёт монастырской колонизации северо-восточных земель.

Существовала и практика передачи монастырям земель в древнерусском обществе по завещанию и духовным грамотам, которая вела к возрастанию церковной земельной собственности. Как правило, это осуществлялось с целью обеспечить себе после смерти постоянное поминание перед Богом, а также моление о своих грехах, и сопровождалось юридическим запретом перехода данных земель в другие руки. Таким образом, юридическое право на владение земельной собственностью закреплялось за одной конкретной единицей. Исходя из этого можно утверждать, что древнерусская церковная

организация, единая по своей структуре, была раздроблена в тот период между множеством церквей в отношении земельной собственности и не представляла реальной экономической силы, способной конкурировать с государством. Её прерогативой была религиозная, то есть духовная и идеологическая сфера в обществе.

В XV—XVI вв. крупные монастырские вотчины были освобождены от государственных налогов и повинностей и владели огромным количеством земли. К примеру, Троицкая лавра к началу царствования Ивана IV имела лучшие земли в 25 уездах, 106600 крестьян, а её ежегодный доход составлял около 100000 руб. Всего в этот период крупные православные монастыри владели 3858396 десятинами земли, 660185 крестьянами и имели доход в 824593 руб. в год [4]. В ходе образования централизованного государства и усиления самодержавной власти московских великих князей Русская православная церковь стремилась сохранить свою политическую и экономическую независимость от государственной власти. Это привело к серьёзным противоречиям между церковью и великокняжеской властью. Одним из главных способов преодоления политических амбиций церкви стала великокняжеская политика ограничения части землевладельческих (собственнических) привилегий монастырей. Так, Стоглавый собор 1551 года отменил денежные пожалования («ругу») из царской казны тем монастырям, которые имели значительные земельные владения. Монастыри могли приобретать земли лишь с «доклада» (разрешения) царю. Государю отошли те монастырские земли, которые во время боярского правления, предшествовавшего воцарению Ивана IV, перешли к монастырям. Подобная политика была вызвана острой нуждой великих князей в деньгах и землях для создания дворянского войска, их стремлением укрепить экономическое положение новой социальной опоры самодержавия — дворянства [5].

На Соборе 1572 г. богатым монастырям было запрещено приобретать землю по дарственным от частных лиц, а в 1580 г. — и по завещаниям, купчим и закладным грамотам. Собор 1584 г. приравнял церковь как юридический субъект к частному лицу и прямо поставил её в зависимость от волеизъявления государства.

На протяжении второй половины XVII в. монастырские вотчины продолжали подчиняться интересам государства. Соборное Уложение 1649 г. запретило монастырям приобретение новых земель, а специальными указами царя Алексея Михайловича им было также запрещено покупать, брать в заклад и «на помин души» родовые, выслуженные или купленные вотчины. Для управления вотчинами монастырей и духовенства в 1650 г. был учреждён Монастырский приказ. Таким образом, экономическое могущество церкви и её монастырей было

ограничено, а её экономическая независимость от государства фактически ликвидирована [6].

Окончательно это было закреплено церковными реформами Петра I и начавшейся секуляризацией церковной и в том числе монастырской собственности. Сокращение землевладений заставило многие монастыри переходить к различным промыслам, к организации столярных и других мастерских, к строительству кирпичных, свечных и прочих заводиков, к занятиям благотворительностью, открытию сиротских приютов, попечительских организаций.

Несмотря на политику секуляризации, на рубеже XIX–XX вв. православные монастыри продолжали владеть значительным количеством земли. Общий фонд монастырских земель только в 50 губерниях Европейской России к 1905 г. составлял 730,8 тыс. десятин земли, в том числе 172,2 тыс. десятин пахотной [7]. В собственности одного монастыря

могло находиться не более 150 десятин. Крупные монастыри оставались процветающими, экологически чистыми и жизнеспособными хозяйствами вплоть до октября 1917 г. Монастырское землевладение полностью было ликвидировано Декретом о земле, принятым II съездом Советов в октябре 1917 г.

Литература

1. Архиерейский Собор РПЦ 18–23.02.1997 г. / Сообщение для органов информации от 18.02.1997. МП РПЦ.
2. Русское православие: веки истории / под ред. А.И. Клибанова. М.: Политиздат, 1989. С. 61–63.
3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской церкви. М., 1991. Т. 1. С. 16–18.
4. Веселовский С.Б. Монастырское землевладение в Московской Руси во второй половине XVI века // Исторические записки. 1941. № 10. С. 101–114.
5. Стоглав // Российское законодательство. Т. 2. М., 1985. С. 20.
6. Захаров А.И. Один из способов роста монастырского землевладения в конце XVII в. // Вопросы истории. 1995. № 5–6. С. 174–179.
7. Глаголев А. Возрождение церковного хозяйства в России // Вопросы экономики. 1994. № 9. С.114.